

УДК 159.9

NINEL' YAKOVLEVNA OLESICH

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
President of Cultural Foundation «Famous graduates»,
St. Petersburg State University,
Russian Federation, Saint Petersburg, ul. Cherkasova, build. 25/13, 61.
e-mail: assembly@mail.ru*

Historical mission of the St. Petersburg University in the formation process of multiethnic Russian culture and science

This article demonstrates and gives an assessment to the unique significance of the Petersburg world as a cultural, scientific and mental cooperation of different nationalities people, draws attention to the fact that thanks to the city the St. Petersburg State University was more international and universal rather than other ones in the country. Also it reveals the impact of the Russian culture, Russian language as an instrument of international, professional and mental communication of young people on the forming of national cultures. The author shows a particular role of the University in creating the unique, tolerant climate in which young people of different nationalities and religions were united by the culture and education, was large. Also the article gives the assessment to the influence of moral and ethical environment of the Peter's Alma mater on the forming of Russian intelligentsia personality. Moreover the historical impact of the multi-national university community on the creating of influential image of Russia and St. Petersburg was emphasized. The article demonstrates the historical role of the University faculty of Oriental Studies in the formation of national intelligentsia that's a pride of the Russian culture.

Keywords: *St. Petersburg State University, multinational world, international relations, Eastern faculty, national intelligentsia.*

НИНЭЛЬ ЯКОВЛЕВНА ОЛЕСИЧ

*доктор исторических наук, профессор,
президент Культурного Фонда «Знаменитые универсанты»,
Санкт-Петербургский Государственный университет,
Россия, Санкт-Петербург, ул. Черкасова 25/13, к. 61.
Тел.: 532-88-70, e-mail: assembly@mail.ru*

Цель этой статьи продемонстрировать и оценить уникальную значимость Петербургского мира как культурного, научного, духовного сотрудничества людей различных национальностей. Подчеркивается, что Петербургский университет был более интернационален и универсален благодаря влиянию города, чем какой-либо другой в стране. Раскрывается влияние русской культуры, русского языка как средства межнационального, профессионального и духовного общения молодежи в процессе формирования национальных культур. Отмечается особая роль университета в создании единственного в своем роде толерантного климата, в котором молодежь различных национальностей и вероисповеданий объединялась с помощью культуры и просвещения. Автор дает оценку влиянию морально-нравственной среды Петровской Alma mater на процесс формирования личности интеллигента-россиянина. Подчеркивается исторический вклад многонационального университетского сообщества в создание влиятельного образа России и Санкт-Петербурга. Статья освещает историческую роль Восточного факультета в формировании национальной интеллигенции, гордости российской культуры.

Ключевые слова: *Санкт-Петербургский университет, многонациональный мир, межнациональные отношения, Восточный факультет, национальная интеллигенция.*

Историческая миссия Петербургского университета в формировании многоэтнической российской культуры и науки

Многонациональный мир Петербургского университета, его историческая миссия, с точки зрения формирования многоэтнической русской культуры и науки достаточно не изучена и не оценена. Опыт Петербургского университета, целого микромира, универсального и интернационального, уже благодаря имени и истории Города, чрезвычайно оказался ценным уже к концу 1980 г.

В этот период в стране резко усилилось национальное самосознание, произошли глубокие изменения в этнографической среде. И в то же время появились новые негативные явления – рост национализма и ксенофобии. Глобально, и не только в России, резко возросло внимание к национальным проблемам культурного, национального и религиозного содержания.

Подлинная научная и духовная элита многонациональной России на протяжении многих десятилетий формировалась и произрастала в стенах столичного имперского университета. Как и сама блистательная столица монархии, так и ее университет, с соизволения Петра Великого были многонациональными и таковыми и поныне остаются. Петербургские студенты – представители разноплеменной империи – феноменальное явление российской культуры.

Мыслящая молодежь России, любой национальности, в силу присущей юности любознательности и доверчивости, наиболее остро ощущала магическую притягательность Города. Блистательный облик молодой столицы с ее напряженной интеллектуальной жизнью и храмом науки – Университетом, становится навязчивой мечтой многих поколений молодежи России. Эта мечта сулила освобождение от вековой рутинной, тупой провинциальной спячки, токсичной повседневности и, что весьма значительно, национальной замкнутости. «Петербург – ум России, – размышляли они, – и только в этом городе скрыты сокровища науки и культуры, освобожденные от рухляди традиций». Петербург представлялся им неким чудом, символом нового, передового, европейского [1].

Молодые провинциалы из разных уголков Российской империи, попадая в город, вовлекались в стремительный бег его жизни, скорость импонировала жаждущей перемен молодежи, она словно попадала в новое иное измерение. Молодые люди, независимо от национальной принадлежности, становясь петербуржцами, переживали глубокое потрясение от приобщения к петербургскому миру: насилия власти, влияния городской, новой для них, культуры. Город, сотканный из противоречий и противостояний, город напряженной жизни становился нервным центром империи, и это особенно переживало молодое поколение.

Образ Петра I неотступно сопутствовал Петербургскому университету. С 1724 г., когда Указом от 28 января Петр повелел учредить «Петербургскую академию», прародительницу Университета, Академии наук, Академии художеств, гимназии. С момента рождения Петербургский университет, безусловно, обладал всеми чертами своих собратьев возникающих впоследствии других высших учебных заведений имперской России, но, находясь у самого «окна», дерзко прорубленного Петром I, отличался своим уникальным петербургским стилем просвещения. И еще университет имел одну знаменательную примечательность, которая выделяла его из ряда других учебных заведений, – он состоялся как многонациональный. Петербургский университет предполагал не только универсальность наук, но и универсальность национального состава.

Само здание университета, в самой регулярной имперской части города, заняло достойное место среди храмов науки на набережной Невы: Академия наук, Академия художеств, Кунсткамера. Месторасположение университета, как свидетельствуют многие питомцы университета, побуждало к новатор-

ству, прорыву в науках и свершениях. Символический смысл нес на противоположном берегу на фоне величественного Исаакия, – и сам преобразователь России и реформатор – Петр I, на вздыбленном коне застывший в прыжке над историей, простер в сторону университета руку с медно-лавровым венком, то ли благословляя, то ли вселяя глухое предчувствие великой будущности, то ли предупреждая...

Фундамент Многонационального столичного университета был заложен при Петре I. Встречи, беседы, а в дальнейшем и переписка с известным немецким философом и математиком Готфридом Лейбницем, главным авторитетом по «академическим делам», открыли для Петра безграничные просторы развития науки в России. Царь-реформатор стал мечтать о создании целой системы обучения от начального уровня до университетского. Его поддержали единомышленники, оценившие престиж европейской образованности: Александр Меншиков получил титул члена Лондонского королевского общества, Феофан Прокопович обучался в Риме, да и самому Петру было присвоено членство Французской Академии.

Отметим, что Петр I сознательно широко открыл дорогу в С.-Петербург немецким ученым и студентам. П.Н. Милюков политик и глубокий знаток русской истории, отмечал, что особого стремления к овладению науками в то время у русских юношей не наблюдалось, и тяга к образованию отсутствовала. Эра Ломоносова еще не наступила...

Вплоть до конца XVIII в. непреложным оставался тот факт, что в Академии и в Университете доминировали и управляли немцы – как ученые, так и студенты немецкой ориентации. Этот период оставил как негативные, так и позитивные следы в истории университета.

Якоб Герман, немецкий математик, стал первым членом Академии наук, созданной в январе 1724 г. За ним прибыли еще 12 ученых из Германии и Швейцарии, среди них прославленные ученые – Л. Эйлер, Г. Крафт, братья Бернулли. Поскольку между преподавателями и студентами не было национального и языкового единства, то лекции читались на латыни и немецком языке. Русских юношей, как уже отмечалось, желающих учиться, отыскать было сложно, в первые годы деятельности Университета они составляли только 16% от всех зачисленных. Заполняя пустующие университетские аудитории, прибегали к насильственному переводу учащихся из других учебных заведений. Да и студентов, вообще, было немного. Например, в 1752 г. – 18 человек, в 1758 г. – 16. И как это ни странно, на первый взгляд, многочисленные сложности не затмили положительные итоги новой системы. Появились талантливые и усердные студенты, они, закончив курс обучения, оставались в стенах университета, но уже в качестве преподавателей. Среди них были выдающиеся личности: Василий Адодуров – адъюнкт высшей математики и автор первой русской грамматики [2]. Питомцами университета были непревзойденный переводчик Иван Ильинский, писатель и дипломат Антиох Кантемир, адъюнкт анатомии Мартин Клаймфельд, адъюнкт

истории Адольф Крамер. Огромный вклад в развитие Университета внес известный историк и археолог Герард Фридрих Миллер (1705–1783). Закончив Лейбницкий университет, молодой ученый в 1725 г. приехал в С.-Петербург и 58 лет своей жизни отдал новой обретенной родине. Он стал профессором, академиком и ректором Университета и – русским немцем [3].

«Русской Сорбонной» петербургский университет становился постепенно, со скрипом преодолевая языковое влияние многих чужеземных ученых мужей и прежде всего немецких. И это неудивительно, с момента основания города, немцы занимали третье место по численности среди нерусских обитателей молодой столицы. Отметим, с уважением, что и профессии у них были в основном интеллектуальные: медики, аптекари, чиновники, учителя, ученые и т.д. И хотя они упорно стремились сохранить свой язык, обычаи, различного рода сообщества, школы, печать и упрямо оберегали свою обособленность, но жили они в русской столице и им было жизненно необходимо овладеть разговорной русской речью, а в учебных заведениях и государственных учреждениях – столичным русским языком. Кстати, правильная русская речь, стала особой приметой «русских» петербургских немцев! В причудливую смесь европейской культуры и традиционного русского быта немцы, становясь «русскими немцами», внесли свой вклад, в том числе и в язык города. Такие достоинства немецкого языка, как строгость, точность, аккуратность, однозначность, выработанные поколениями немецких ученых – несомненно, оказали влияние на русский столичный язык, не подавляя его.

В Петербурге, в этом плавильном котле национальностей университет, а следовательно и наука стала постепенно обзаводиться своим столичным языком. Общеизвестно, но стоит напомнить, какую историческую роль выполнил Михаил Ломоносов в столкновении между консервативным крылом во главе с И. Шумахером и крылом «демократическим», боровшимся за нововведения, в том числе и за русский язык в деле перестройки университетской научной жизни. Конфликт был жесточайший, в него был вовлечен не только университет, но и весь двор.

Петербургский студент, какую бы социальную и национальную среду не представлял он, из какого бы медвежьего уголка России не был он заброшен судьбой в Петербург, в нем неизбежно воплощались не только символы петербургской культуры, но и специфика языка столичного Петербурга. Студент становился петербуржцем, его отличал не только свой стиль, манера поведения, но и, безусловно, – столичная речь. Столичная русская речь для петербургского студента становилась важным фактором воссоздания общности единения, преодоления национальной розни в культурном пространстве университета [4].

Молодежь, переступая порог университета и погружаясь в учебный процесс, обогащалась высоким языком науки. Незримо, она и сама участвовала в творении речи Петербурга, вносила «свое Я». При

этом она представляла себя неким эталоном ученого интеллектуала, носителем определенных, морально-этических и этнических качеств верхов столичного общества. Как мы уже отмечали, в Петербурге наука постепенно и, прежде всего, благодаря вулканическому толчку Михаила Ломоносова, окончательно заговорила своим языком, русским. С помощью русских слов греческие, немецкие, французские и прочие иноземные термины внедрялись в питательную русскую научную почву, обогащая родной язык. Процесс был сложным, учитывая, что еще долгое время в Университете ощущался острый дефицит в отечественных преподавателях. Например, в 1869 г. в столичных учебных заведениях насчитывалось 3,7 тысяч студентов, а обучали их всего 98 преподавателей: 76 человек – русские, 22 – представители различных этнических групп, в основном немцы и поляки. Дома, на улице, в магазинах вокруг молодых людей звучала иностранная речь, их воспитателями, гувернерами, классными дамами, преподавателями иностранных языков были немцы, французы, шведы, англичане.

Если обратиться к первому столетию существования города, можно вообразить себе разногласную столицу, в которой каждый второй говорил с акцентом, третий понимал только несколько слов по-русски, каждый четвертый не имел ни малейшего представления о науке и литературе. Даже в этой обстановке иноземного многоголосья молодые люди, однозначно принимали русский язык, высокий слог славянизмов и всячески порицали грубые обороты речи обывателя, жаргоны простонародья, иноземное коверканье русского слова: вносили в русскую речь свою лексику с национальным колоритом.

Среди выходцев из нерусской части столицы, особенно из привилегированных верхов, наблюдалась обостренная тяга к чистоте русского языка. В Петербурге блестящая карьера всегда была тесно связана с образованием, университетом и столичным языком.

В Петербурге надежным проторенным путем в Университет для юношей, рожденных в столице, была знаменитая гимназия К. Мая, открытая 1861 г. Создатель гимназии Карл Иванович Май (Карл Иоганн Май) был типичный представитель этносоциальной структуры города. Родился Карл в Петербурге в многодетной семье. Отец, уроженец Пруссии, мать, по национальности шведка, умерла рано, мальчика воспитывал бездетный дядя, его жена, француженка, обучала Карла своему родному языку и манерам. Начальное образование мальчик получил в школе мадам Курвазье, позднее учился в «Петришуле», где преподавание шло на немецком языке. Карл Май поступил в университет, учился на юридическом и историко-филологическом факультетах. На всю жизнь он сохранил крепкие связи со своими товарищами по учебе, и даже в последствии привлекал их на педагогическую работу в свою гимназию.

Гимназия К.И. Мая имела характерную особенность, отличавшую ее от других казенных гимназий, а именно, в разные годы процент поступавших в

университет «майских жуков», так называли воспитанников К. Мая, колебался от 68% до 100%, как это было в 1901 г.

Еще одно своеобразие имела гимназия – она была ступенью этносоциального сообщества Петербурга. Коллектив учащихся и преподавателей были представителями различных национальностей, живущих в столице: русских не более половины, остальные – немцы, французы, англичане. Учащиеся, представители различных национальностей, под небом Петербурга становились патриотами новой родины, отдавали ей свои знания, таланты, их деятельность органично вплеталась в русскую культуру, родным языком становился русский, а сами они были носителями особой, даже не европейской, но русской петербургской культуры [5].

При пестром социальном составе, в разное время, гимназию закончили: Н.К. Рерих, шестеро юношей из семьи Бенуа и трое из семьи композитора Римского-Корсакова, П.Шмидт, Д.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.А. Кракау, П.И. Сомов, О.Д. Хвольсон, А.Д. Зиновьев, Н.М. Гюнтер, А.А. Заварзин, Я.И. Френкель, Л.Б. Модзалевский, Б.Н. Делоне и многие другие.

Ядро, которое станет впоследствии знаменитым объединением «Мир искусства», зародилось в гимназии К. Мая: Александр Бенуа, Дм. Философов, Вальтер Неувель, Григорий Калинин, Николай Скарон. На пути к славе у них еще будет юридический факультет Петербургского университета!

Академик Д. С. Лихачев в своей книге «Прошлое – будущему» писал, вспоминая гимназию К. Мая: «Школа эта сыграла большую роль в моей жизни <...> наложила сильный отпечаток и на мой интерес, и на мой жизненный, я бы сказал мировоззренческий опыт».

Петербургский университет был дворянским и его студенчество отражало пестрый этносоциальный состав как столицы, так и многонациональной империи. Многие студенты были представителями аристократических родов империи. Несмотря на рост численности студенчества и изменения его классового состава, значительная часть по своему происхождению по-прежнему принадлежала привилегированным сословиям. В Петербургском университете, крупнейшем учебном заведении России, на 1 января 1905 г. дети дворян и чиновников составляли 60,92% от общего числа. На 1 января 1916 г. в Университете обучались 7780 студентов: сыновья дворян и чиновников – 2343, дети лиц духовного звания – 443, сыновья почетных граждан и купцов 1 гильдии – 525, юноши из мещан, купцов 2 гильдии и ремесленников – 1657, из крестьян – 818, казачьего сословия – 91, иностранные подданные – 81, инородцы – 6.

Важно отметить, что в крупнейшем учебном заведении страны в многонациональном городе с широкой веротерпимостью никогда не было значительных столкновений студенчества на национальной и религиозной почве. И это вопреки попыткам регулирования процентными нормами национального состава студенчества.

По циркуляру от 10 июля 1887 г. устанавливалась процентная норма в численности студентов: для евреев – 10% в черте оседлости, 5% – вне ее, 3% – в столицах. Но вопреки всем усилиям, правительственные меры в значительной степени оказались несостоятельными, в учебных заведениях упорно сохранялся высокий процент интеллигентных евреев-студентов. Студенты православного вероисповедования преобладали во всех университетах России, кроме Дерптского (60% – лютеране) и Варшавского (более 50% – католики) [6].

На 1 января 1916 г. распределение петербургского студенчества по вероисповеданию следующее: из 5964 студентов, обучающихся в университете, православные – 4058, сектанты – 52, армяно-григориане – 131, католики – 446, лютеране – 362, реформаты – 76, англикане – 5, кальвинисты – 1, магометане – 37, караимы – 27, иудеи – 765, буддисты – 3, конфуцианцы – 1. Эти данные наглядно свидетельствуют о широком религиозном, скорее национальном спектре студенчества петербургского университета. Безусловно, студенты формально причисляли себя к определенной религии (вспомним, что только 10% православных признали Бога, а иудеи свою религию – из 90 студентов только один) [7].

Эти данные весьма показательны и имеют важное информационное значение – молодой человек, подавая прошение о приеме в университет, не обязан был указывать свою национальность, а только религиозную принадлежность.

Как уже отмечалось, императорский университет был дворянским и не только за счет русской молодежи. Из всех учеников многонациональной империи «иноземное» юношество знатных княжеских, хайских, бекских дворянских родов, детей высокопоставленных столичных чиновников, получившее подготовку в элитных гимназиях, стремилось в столицу за европейским образованием, в университет.

В Империи чувствовалась острая необходимость подготовки высококвалифицированных национальных кадров, как для государственной службы, так и для посольских и дипломатических зарубежных представительств. Притягательность столицы, как ведущего европейского центра выгодно сочеталась с государственными потребностями многонациональной Империи. В 1854 г. последовал Императорский Указ об учреждении при столичном университете факультета восточных языков. Так появился факультет, подобно которому, в тот период, не было ни в одном из европейских университетов. Уникальность его определялась как высоким уровнем преподавания, так и количеством изучаемых восточных языков [8].

Перед факультетом стояла сложная задача – подготовка всесторонне образованных кадров с сохранением в них чувства привязанности к своей родной национальной среде и в то же время – уважение культуры других народов. Идеологически, принималось во внимание, что без русского языка, русской культуры, российской истории невозможно развивать общественное сознание молодежи, мораль, нравственность, убеждения, что являлось,

в конечном счете, залогом существования самого государства. Именно поэтому, студенты факультета Восточных языков, кроме углубленного освоения восточных языков, наречий, истории, литературы народов Востока, французского языка были обязаны изучать общеобразовательные дисциплины. Обязательными были лекции по русскому языку, истории России, русской литературы, юриспруденции.

Многонациональный мир Петербургского университета, уникальный вклад в него Восточного факультета дал целую плеяду выдающихся, высокообразованных ученых, политиков, литераторов, составивших славу российской культуры [9].

Следует отметить и еще одну важнейшую роль многонационального мира университета, а именно – формирование многоэтнической интеллигенции. Первую половину XIX в. можно назвать периодом складывания армянской, грузинской, татарской и стран Прибалтийской интеллигенции. И в этом процессе не последнюю роль сыграли питомцы университета, будущие ярчайшие представители различных национальностей – гордость российской и мировой культуры.

Представим портрет яркого человека, универсанта, с глубоким чувством национального самосознания и страстным желанием служить Родине. Среди «золотой» университетской молодежи, блиставшей титулами и богатством, в университете выделялся князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев [10]. В 1881 г. он окончил историко-филологический факультет университета со степенью кандидата. В это время в университете преподавали Н.Л. Бероев, К.П. Патканов. Свой след в русской культуре он оставит как государственный и общественный деятель, ученый, археолог, горнопромышленник, меценат. Его деяния не потеряли значимость и сегодня. Имя князя, наследника двух знатнейших и богатейших родов царского грузинского и армянского, было широко известно в ученых кругах. Он автор книг «Пальмира» и «Джераш», написанных по материалам совместного путешествия в 1884–1897 гг. по Ближнему Востоку с профессором университета А.В. Праховым и художником В.Д. Поленовым, также питомцем университета. В 1882 г. в Пальмире они обнаружили неизвестный археологический памятник древней эпиграфики – мраморную доску с надписью на греческом и древнееврейских языках. Исследования Абамелека и французского ученого де Вогюз установили, что надпись является знаменитым пальмирским таможенным тарифом 137 г. За это открытие Академия надписей Франции признала князя своим адъюнктом. Князю удалось привезти этот ценнейший памятник в Петербург. Ныне он хранится в Эрмитаже. Семен Семенович – почетный опекун и почетный попечитель Лазаревского института восточных языков.

Как общественный деятель князь – член Горного совета Министерства торговли и промышленности, работал в Комиссии о праве на недра, изучал причины поражения в русско-японской войне, разрабатывал пути достижения прочного мира. Награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны I степени, Св.

Владимира II степени, Белого Орла, сербским орденом Св. Саввы II степени. С.С. Абамелек-Лазареву в Петербурге принадлежал земельный участок, часть которого в 12 тыс. десятин он подарил городу с условием постройки трамвайной линии. В 1897 г. он обвенчался с княжной Марией Демидовой (1877–1950), дочерью одного из богатейших людей России Павла Демидова, князя Сан-Донато, киевского городского головы. Брак был бездетным. В 1912 г. князь завещал жене принадлежавшую ему роскошную виллу в центре Рима с картинной галереей, садом (площадью 30 га) с фонтанами и античными памятниками. В завещании оговорил условие – после смерти жены вилла перейдет в собственность Российской Академии художеств. В 1947 г. вилла была передана СССР и стала резиденцией посла.

Подобных героев целая галерея талантливых ученых, политических и культурных деятелей.

Вот некоторые из них, питомцы армянского происхождения: С.С. Абамелек-Лазарев, В.Н. Аргутинский-Долгоруков, М.Н. Каракаш, Л.М. Карахан, И.А. Орбели, Г.М. Сундукян, Н.Л. Бероев и др. Назовем знаковые имена универсантов-грузин: Д.И. Чубинашвили, А.А. Уагарели, Н.Я. Марр, И.Г. Чавчавадзе, А.Р. Церетели.

В этнически мозаичном Петербурге вопрос о национальном самосознании возникал и у белорусских и украинских студентов. Но тут был свой парадокс. Если иметь в виду русских, белорусов и украинцев, то в дореволюционной России «русский язык» имел два значения, широкое – как единое наименование трех восточнославянских языков и узкое – как синоним великорусского. В столице, как свидетельствуют переписи, белорусы, украинцы почти растворялись среди населения столицы за счет русского языка. И тем не менее, в среде интеллигенции, особенно студенчества, сознание своей принадлежности к особому этносу, было более упорным, четким, приятельным. И в тоже время, фактически и в силу образованности, приобщение к языку и петербургской культуре у белорусов и украинцев происходило очень быстро. Попадая в столицу, молодой человек, будь он белорус или украинец, говорил и писал только по-русски и становился русским петербуржцем. Но национальное чувство не так легко было погасить.

В стенах Петербургского университета образовался особый очаг грузинской науки, сложилась научная школа грузинологов, в которой проводили исследования в области грузинской истории, литературы, лингвистики, занимались изысканием и собирали литературные и исторические памятники древнегрузинской письменности и культуры. Быть может одно из главных достижений этого особого очага в том, что Россия увидела высокую культуру Грузии, познала и оценила ее талантливый народ. Известно имя первого профессора из Грузии в Петербургском университете, да и вообще в России. Им был Давид Иесеевич Чубинашвили. Он родился в Тбилиси в 1813 г., с одиннадцати лет жил и воспитывался в Петербурге, после окончания столичной гимназии поступил в Университет по отделу восточ-

ной словесности философского факультета со степенью кандидата. О его преподавательской (27 лет он читал лекции). В 1837 г., будучи студентом, Давид составил словарь «Грузинско-русский-латинский», включивший в себя 40 000 слов. Словарь был отмечен Академией наук и удостоен Демидовской премией (5000 рублей). В истории университета Д. Чубинашвили остался как великолепный лектор, способствовавший привлечению в университет молодых кавказцев, а его оригинальные научные труды, переводы – знакомили читателя с культурным наследием Грузии.

За Д. Чубинашвили последовала плеяда таких корифеев грузиноведов, как А.А. Цагарели, Н.Я. Марр, И.А. Джавахишвили, И.А. Кипшидзе и др.

Даже ограниченное, представленное количество автобиографических иллюстраций, подтверждает выдающуюся роль знаменитых деятелей культуры и науки, питомцев университета в сложном процессе формирования и обогащения российской культуры. Эти универсанты, представляя многотысячную галерею, подтверждали своей деятельностью особую историческую роль и уникальное свойство Петербургского университета с его ярко выраженной этнической индивидуальностью. Университет не уничтожал многонациональные творческие особенности своих питомцев, их тягу к своим обычаям, традициям, языку, но русский язык для них был святошущим мощным звеном, русский язык для них был достоянием России.

Литература и источники

1. Олесич Н.Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб.: Бельведер. 2002. 208 с.
2. Перкова Н.В. Русский язык в Санкт-Петербургском университете // Многонациональный мир Петербургского университета / СПб.: Знаменитые универсанты. 2010. С. 98–99.
3. Олесич Н.Я. Университет Российской империи // Многонациональный мир петербургского университета. СПб.: Знаменитые универсанты. 2010. С. 16–17.
4. Вербицкая Л.А. Русские люди и русский язык за пределами России // Наследие Петербургской культуры в русском зарубежье / СПб.: Знаменитые универсанты. 2012. С. 10–11.
5. Благово Н.В. «Майские жуки» в университете. К.И. Май // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд. С-Петербургского университета. 2002. Т. I. С.16–18.
6. Юхнёва Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга-Ленинграда. СПб.: Наука, 1984. С. 223.
7. Олесич Н.Я. Особенности психологии толерантности в многонациональном университете Российской империи. II Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2012, вып. 4.
8. Тагирджанова А.Н. Восток-Запад. Факультет восточных языков – ключ к познанию Востока // СПб.: Знаменитые универсанты. 2010. С. 56–57.
9. Материалы для истории факультета восточных языков. Т. 1. (1851–1864). СПб., 1905 г.; т. 2. (1865–1901). СПб., 1906. С. 20–21.
10. Известные выпускники и преподаватели Санкт-Петербургского университета армянского происхождения: СПб.: Роза ветров. 2013, с. 8–11.

References

1. Olesich N.Ya. *Gospodin Student Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo Universiteta* [Mr. Student of the Imperial St.Petersburg University]. St.Petersburg,Belvedere, 2002, 208 p. (in Russian).
2. Perkova N.V. *Russkii yazyk v Sankt-Peterburgskom universitete* [The Russian language at the St.Petersburg University]. *Mnogonatsional'ny mir Peterburgskogo universiteta* [Multinational world of the St.Petersburg University], Znamenitye universanty, St.Petersburg, 2013, pp. 98–99 (in Russian).
3. Olesich N.Ya. *Universitet Rossiyskoy imperii* [University of the Russian Empire] *Mnogonatsional'ny mir Peterburgskogo universiteta* [Multinational world of the St.Petersburg University]. St.Petersburg, Znamenitye universanty, 2010, pp. 16–17 (in Russian).
4. Verbitskaya L.A. *Russkie lyudi i russkiy yazyk za predelami Rossii* [Russian people and Russian language abroad]. *Nasledie Peterburgskoy kul'tury v russkom zarubezh'e* [Heritage of the St.Petersburg culture abroad], St.Petersburg, Znamenitye universanty, 2012, pp. 10–11 (in Russian).
5. Blagovo N.V. «*Mayskie zhuki*» v *Universitete K.I. Mai* [«May-bugs» in the University K.I. Mai]. Znamenitye universanty [Famous graduates from the University]. *Ocherki o pitomtsakh Sankt-Peterburgskogo Universiteta v 3 tomakh* [Sketches about disciples of the St. Petersburg University in three volumes]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 2002, Vol.1, pp.16–18 (in Russian).
6. Yukhneva N.V. *Etnichesky sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga-Leningrada* [Ethnic composition and ethnic-social structure of Petersburg – Leningrad population]. St.Petersburg, Nauka Publ.1984, p.223 (in Russian).
7. Olesich N.Ya. *Osobennosti psikhologii tolerantnosni v mnogonatsional'nom universitete Rossiiskoi imperii* [Peculiarities of tolerance psychology in the multinational University of the Russian Empire]. *Vestnik Sank-Peterburgskogo universiteta*. St.Petersburg, 2012, Ser. 12, no. 4, p.9.
8. Tagirdzhanova A.N. *Vostok – Zapad. Facul'tet vostochnykh yazykov – klyuch Rossii k poznaniyu vostoka* [East – West. Faculty of Oriental Studies is a clue for Russia to perceive the East]. *Mnogonatsional'ny mir Peterburgskogo universiteta* [Multinational world of the St.Petersburg University]. St.Petersburg, Znamenitye universanty, 2010, pp. 56–57 (in Russian).
9. *Materialy dlya istorii fakulteta vostochnykh yazykov* [Materials for the history of Faculty of Oriental Studies]. Vol. 1. (1851–1864), St.Petersburg, 1905; vol. 2. (1865–1901).
10. *Izvesnyye vypuskniki i prepodavateli Sankt-Peterburgskogo universiteta armyanskogo proiskhozhdeniya* [Well-known graduates from the St.Petersburg University and their lecturers of Armenian origin]. St.Petersburg, Roza vetrov, 2013, pp. 8–11 (in Russian).